

ГИБРИДНАЯ СУЩНОСТЬ ВОЙН ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Ирина Сидоренко¹

Abstract

In the article the transformation and the nature of modern hybrid wars are analyzed. There are reasons for the emergence of such a new phenomenon as hybrid wars: the formation of a modern society, globalization, de-conventionalization, the weakening of the sovereignty of a national state, the substitution of politics by the economy. Significant changes connected with the transformation of modern war are that war turns from a crime into a police action; separate manifestations of terrorism are transformed into global terrorism; the borders of the national states disappear, which in turn, deprives them of the right to national sovereignty; the regular war based on the principles of the Public European Law has become the hybrid and total war. This hybrid war in principle cannot be terminated by a peace treaty. The author of this article argues that the modern world order is based on the hybrid war.

Keywords: hybrid war, total war, peace, globalization, post-modern society, conventionalization, deconventionalization, terrorism.

В эпоху постмодерна и глобализации война превращается из средства политики в саму политику, а из средства достижения мира – в сам мир. Существенные изменения, связанные с трансформацией современной войны, заключаются в том, что война начинает отождествляться с полицейской акцией; разрозненные проявления терроризма трансформируются в глобальный терроризм; происходит размывание границ национальных государств, что, в свою очередь, лишает их права на национальный суверенитет и монополию на насилие; а регулярная война, основанная на принципах Публичного европейского права, превращается в гибридную, стремящуюся к тотальности и в силу этого не имеющую возможности быть завершённой мирным договором. Размах социально-экономического кризиса, нищета в странах «третьего мира», военные конфликты и терроризм доказывают неспособность человека глобализирующегося мира победить в войне, которая понимается как «борьба за мир», так как ус-

¹ Ирина Сидоренко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

ловием возможности мира уже давно стала война, а мир уже давно перестал быть мирным.

Трансформация войны – это в первую очередь социальная трансформация. Опираясь на осуществленную П. Вагнером реконструкцию эволюции модерна и концепцию современности В. Н. Фурса, можно конкретизировать переживаемую сегодня трансформацию как «завершение организованного модерна» и становление общества постмодерна². Для общества «организованного модерна» была характерна конвенционализация во всех сферах его жизнедеятельности. Вместе с тем конвенционализация являлась также средством уменьшения общественной неопределенности. Таким образом, до начала 80-х годов XX века социальный мир был в большей степени управляемым; тотализация социального надзора вела к исчезновению непрозрачных социальных пространств, а стандартизация поведения обеспечивала укрепление социальной стабильности и выступала основой солидарности. В силу этого войны обществ «организованного модерна» также соответствовали принципу конвенциональности, а их ведение было детерминировано международными нормами и правилами. Это же касается и холодной войны, в которой ядерное оружие выступало в качестве противовеса и основания для определенного рода соглашений. Однако сегодня общество «завершенного модерна» трансформируется в общество постмодерна; зыбкое равновесие мира, основанное посредством конвенциональности, рушится, а война не только из средства политики превращается в саму политику, но начинает рассматриваться как «новая конвенция», призванная не только спасти этот мир, но в целом стать самим миром. Поэтому такая двойственная и антиномичная природа войны, сочетающая в себе свойства мира и, по большому счету, подменяющая мир, лучше всего, на наш взгляд, отражается в термине «гибридная война». Гибридная сущность современных войн есть лишь отражение гибридизации современных социальных процессов: глобальная взаимосвязанность порождает одновременно как интеграцию, так и фрагментаризацию, как гомогенизацию, так и диверсификацию, как глобализацию, так и локализацию.

Трансформация войны предполагает кардинальное изменение ее целей: они уже не являются политическими в традиционном смысле. Напротив, цели современной гибридной войны связаны с «политикой идентичности» в большей степени, чем с геополитически детерминированным «национальным интересом». В обществе постмодерна происходит распад прежних прочных форм социальной идентичности – класса и нации – и переход к более гибким и открытым формам. В обществе раннего модерна конструирование социальной идентичности являлось достоянием прежде всего интеллектуальной и коммерческой элит, представлявших себя «двигателями прогресса»; в период организованного модерна основные

² В.Н. Фурс: *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*, Минск: «Экономпресс» 2000, 208–209.

формы социальной идентичности – класс и нация – представляли как квазинатуральная данность. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз общественной функциональности, социальная идентичность приобретает свободный игровой характер театральной самопрезентации личности, становится высоко индивидуализированной, неустойчивой и текучей. Такой тип постмодерного современного общества З. Бауман определяет как индивидуализированное общество, в котором для человека существует значимая задача, а именно разрешение проблемы собственной идентичности в условиях небезопасности любого выбора³. Гибридная война во многом стала возможна благодаря легитимации игры в идентичности, так как предполагает гибридность самой самоидентификации. Так, например, на стороне так называемого «Исламского государства» (далее – ИГ) воют представители разных национальностей и выходцы из разных стран, т.е. в ИГ реализуются новые правила гражданства в формате новой «натурализации»: не просто вступление лица в гражданство по желанию, а умение это желание доказать, а еще лучше – продемонстрировать чередой жестоких актов насилия. В свою очередь, если учесть территориальную размытость и статус ИГ как экономического проекта в большей степени, чем политического, то можно говорить о новой форме гражданства как симуляции устойчивой связи человека и государства. ИГ – это симулякр; отсюда радикальный ислам и установка на победу в священной войне принимают формы псевдофундаментализма, а «солдаты» ИГ становятся псевдогражданами этого псевдогосударства. «Солдаты» ИГ – это люди со смешанной гибридной идентичностью, для которых ислам выступает лишь фоном, а не основанием для выстраивания собственного идентификационного проекта. В силу этого практически невозможно четко определить ни психотип, ни жизненные ценности и установки «солдата» ИГ. Маска и черный цвет стали единственными маркерами идентификации.

С другой стороны, «политика идентичности» предполагает диктат идентичности, будь то национальная, религиозная, языковая и т.п. Как справедливо отмечает М. Калдор, в «политике идентичности» «речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков, ...и она напрямую связана с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом»⁴. Именно ностальгия и память о прошлом становятся новым источником политической легитимности, однако в отличие от политических идей, выступающих основанием для объединения, «политика идентичности», напротив, работает по принципу исключения и тем самым способствует фрагментаризации социального пространства. Уже

³ З. Бауман: *Индивидуализированное общество*, Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, М.: Логос 2005.

⁴ M. Kaldor: *New and Old Wars: organized violence in a global era*, Cambridge: Polity 2012, 40.

не важно – с кем ты или за кого, важно только – против кого. Так, идентичность становится основанием для военной мобилизации, более того, она начинает рассматриваться как единственное средство для оправдания войны.

Кризис идентичности связан с кризисом политического: невозможно определить политического субъекта, а значит, в рамках права выстроить взаимоотношение с ним. Вопрос о том, кто друг, кто враг, кто агрессор, а кто жертва, остается открытым. Так, все участники войны с террором, как и сами террористы, считают себя жертвами и используют свой статус жертвы для легитимного принятия своей экспансионистской политики. Свобода в конструировании идентичности оборачивается свободой и в конструировании образа врага. Отсюда подозрения в терроризме дают карт-бланш на конструирование постоянно меняющихся репрезентаций врага, что приводит к тотальному расширению границ внутренней безопасности. Гибкость в определении врага дает возможность мощным державам под предлогом самообороны начинать превентивные войны, вводить чрезвычайное положение, делегитимировать международные отношения.

Гибридная война как осуществление «политики идентичности» предполагает иные способы ведения боевых действий. Если цель регулярной войны в ее классическом понимании заключается в захвате территории посредством сражения, то цель гибридной войны – это установление политического контроля посредством техник дестабилизации, т.е. страхом и террором. Таким образом, «политика идентичности» реализуется как политика экстремизма, а толерантность оборачивается «терпимостью до поры до времени». Так, кризис идентичности порождает и кризис толерантности⁵. Толерантность как терпимость к иному предполагает определение собственной идентичности, однако в ситуации кризиса идентичности неопределенным оказывается как Другой в его инаковости, так и собственный образ. В обществе постмодерна, порожденного глобализацией, человек идентифицирует себя уже не столько с общиной или обществом в целом, сколько с постоянно сменяющимися друг друга группами индивидов, чья идентичность не обозначена и проблематизируема как реальность. Кризис идентичности проблематизирует самопонимание личности. В условиях глобализации человек находится в неведении как относительно ценностей, так и целей. З. Бауман метко определяет современного человека как «бродягу», для которого проблема состоит в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя от нее отказаться⁶. Неопре-

⁵ И.Н. Сидоренко: Антиномии толерантного разума, // *Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы междунар. науч. конф. и X науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии»*, Минск, 17-18 мая 2016 г., Науч.-ред. совет: А.В. Данильченко [и др.], Минск: РИВШ 2016, 136–139.

⁶ З. Бауман: Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов // *Неприкосновенный запас*, 1 (27) (2003), 5–20.

деленность и нестабильность приобретают фундаментальный характер, так как в современных условиях ни образование, ни профессия, ни собственность не делают человека защищенным от перемен в судьбе. Идентификация становится производной от потребления и потребляемого продукта, случайно выбранного стиля жизни, т.е. комплекса интегрированных социальных практик. В ситуации кризиса идентичности мультикультурная толерантность до последней миграционной волны не желала замечать того потенциала насилия, который возникает вследствие предоставления неограниченной свободы различным этническим и религиозным обликам. Отсюда притязания на разную идентичность только усугубляют конфликты: принцип терпимости оборачивается агрессивной нетерпимостью к другим. Ради выживания мы осознаем необходимость строить «мосты понимания», однако способности к этому и степень допущения терпимости иного у нас разные.

Гибридная война предполагает размытость территории боевых действий, что опять отсылает к специфике общества постмодерна, а именно к его фрагментарному сетевому пространству. В силу этого как ведение боя, так и контроль территории перестают быть главным средством войны. Так, современная гибридная война предполагает возможность военных действий как на линии фронта, так и на удаленных от места активных действий территориях. Более того, гибридная война осуществима только в сетевом фрагментарном пространстве. Наглядным примером образования теневых «серых» зон войны в настоящее время становится Европа, а ИГ представляет собой сеть с подвижной территориальностью, которая все время меняет свои границы, представляя собой гибридное образование.

Размытость территории и мозаика идентичности, упразднение различий между публичным и частным высветили еще одну особенность гибридной войны: смещение комбатанта и некомбатанта, стирание различий между военным и гражданским населением. Поэтому гибридную войну можно определить как войну скорее с мирным населением, нежели с противником. Основное отличие классической регулярной войны и современной гибридной войны заключается в том, что регулярная война предполагает победу и в численном перевесе жертв, в то время как гибридная война стремится к минимизации потерь среди армейского состава. Однако в результате этого основной мишенью становится гражданское население. Все это, в свою очередь, приводит к потере «чувства боевого пространства»: гибридный «солдат» может скрываться среди мирного населения, быть не похожим на типичного врага (вспомним, что и сам типаж врага теперь с трудом определим) и использовать «электронное убежище». Сегодня одновременно с массовым потоком мигрантов, спасающихся от ИГ, проникают в Европу и «невидимые бригады», чью логику можно сравнить с челночным движением. Таким образом, территориальность и субъектность гибридной войны изменчивы и в силу этого практически неопределимы.

Ведение гибридной войны осуществляется за счет специфической военной экономики, которая децентрализована, зависит как от внешних источников (гуманитарная помощь, участие диаспор, торговля нефтью, золотом, хлопком и т.д.), так и от криминальных доходов от торговли оружием, наркотиками, рабами. Как отмечает М. Калдор, анализируя специфику «новых войн», «логика войны встроена в само функционирование экономики», а именно новой «глобализированной военной» экономики, которая децентрализована, зависит от внешних ресурсов и предполагает, что боевые формирования сами обеспечивают себя средствами с помощью захвата заложников, удержания гуманитарной помощи и грабежа, развития черных рынков⁷.

Само ведение современной гибридной войны возможно за счет использования гибридных технических средств разных типов обществ: доиндустриального, индустриального и постиндустриального. Поэтому справедливо определение современной войны не только как «гибридной» (Ф. Хоффман)⁸, но и как «вырожденной» (М. Шоу) или «обломка войны» (Дж. Мюллер)⁹. Под гибридными средствами войны подразумевается, что одновременно используется как самодельная взрывчатка, так и разработки информационного общества, что в целом делает проблематичным как контроль над ситуацией, так и прогнозирование последующих атак и их специфику. Гибридная война – это совмещение реальной атаки и символического насилия. Символический терроризм как одно из самых эффективных средств современной войны нацелен не на максимальное количество жертв, а на спецэффект от максимально семиотического ущерба. Так, СМИ становятся составной частью пропагандистских операций и, более того, орудием и инструментом ведения гибридной войны.

Современная гибридная война руководствуется специфически новой логикой массовой информации¹⁰. Так, уже типичной стала ситуация, когда средства массовой информации регулярно предоставляют микрофоны противникам, в то время как цель любой политики военного времени до недавних пор сводилась к пресечению вражеской пропаганды. Как верно отметил У. Эко по поводу такой новой войны, как война в Персидском заливе: «Информация не только подрывает веру населения в цель войны, но и вызывает сострадание к гибнувшему неприятелю. Смерть врагов из далекого неясного события превращается в непереносимо наглядное зрелище»¹¹. Гибридная война преобразуется в шедевр массмедийности, что, в принципе, отвечает заявлению Ж. Бо-

⁷ Kaldor, op.cit., 44–46.

⁸ F. Hoffman: *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, Virginia 2007.

⁹ Kaldor, op.cit., 30–31.

¹⁰ И.Н. Сидоренко: Кибервойна и проблема безопасности в информационном обществе // *Философия и социальные науки*, 2 (2014), 31–35.

¹¹ У. Эко: *Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ*, Пер. с итал. Е. Костюкович, М.: Эксмо 2007, 23.

дрийяра о том, что войн вовсе не было наяву, они были только в телевизоре. Приведем слова словенского мыслителя С. Жижек об информационном прикрытии современной войны: «С одной стороны, новый образ войны как события, которое разворачивается исключительно в сфере технологий, на экранах радаров и компьютеров, ...а с другой – крайняя физическая жестокость, которую было бы невыносимо видеть в средствах массовой информации... Когда Бодрийяр заявил, что войны в Заливе не было, это означало, что картину, которая отвечает ее реальному облику, запретили полностью»¹². Более того, информация допускает врага в чужие тылы. Таким образом, информационный поток выполняет ту же функцию, которую при прежних традиционных войнах выполняли секретные службы, а именно: нейтрализует расчет на упреждение. Такая война, в которой противника невозможно упредить, не предполагает наличие четкой линии фронта и разграничения на своих и врагов.

Современная война представляет собой гибрид реальных военных действий и различного вида шоу/представлений: от реальной демонстрации угрозы до видеотрансляции казней и убийств, что, в принципе, отвечает «скрытым» запросам общества постмодерна, которое можно определить как общество тотального обезболивания, в котором наиболее продуктивные машины идентификации, как боль и радость, уже не работают, так как в мире интернет-технологий им не осталось места. Человек действительно начинает проживать свою жизнь символически, ощущая потребность в сильных эмоциях и предельно насыщенных переживаниях. Поэтому можно предположить, что рациональный проект Запада в своей экспансии стерильных зон ненасилия побуждает к поиску соприкосновений с реальностью через боль, шок, насилие. Таким образом, жизнь, перенасыщенная регламентом, порядком и дозированными удовольствиями, прорывается в точках боли. Возможно, этим можно объяснить стремление принять участие в деятельности так называемого «Исламского государства» второго и третьего поколения эмигрантов уже как представителей Запада. Таким образом, в ситуации «прогресса» цивилизации культура отвечает зонами самоорганизации насилия, а человек через подлинность переживания, жертву и насилие стремится обрести свою идентичность перед лицом как безразличия, так и тотальности «показа».

Гибридная война предполагает также смещение угроз, т.е. национальные государства в современном глобализирующемся мире сталкиваются с угрозой как внешней, так и с внутренней. В современных условиях война с внешним противником ничем не отличается от борьбы с внутренним врагом. В силу этого возможности ограничения свобод расширяются, а современная война обретает черты, ранее присущие гражданской войне. Различить врага в этой всеобщей войне весьма сложно, он становится не-

¹² С. Жижек: *Хрупкий Абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие*, М.: Художественный журнал 2003, 57.

видимым. Другими словами, гибридные войны в обществе постмодерна стали одними из эффективных средств свержения политических режимов, ведения партизанских войн, развязывания гражданских войн. Гибридная война «стирает границы между военными действиями, вооруженным восстанием, массовым нарушением прав человека и организованной преступностью»¹³. Таким образом, гибридную войну можно определить как «мягкую силу»: когда социальная система находится в критическом положении, точке бифуркации, тогда даже малое воздействие на нее (например, только прогноз возможного теракта) может привести систему в иное состояние и получить искомый переход. Гибридная война подпитывается страхом перед насилием, поэтому достаточно лишь угрозы или демонстрации казни заложников для того, чтобы расшатать общество.

Гибридную войну можно определить и как «постнациональную войну» (У. Бек), характеризующуюся размыванием базовых различий, которые были определяющими в войнах между государствами. Как справедливо отметил У. Бек, раскрывая сущность постнациональной войны, «на смену принципу “или-или” приходит принцип “и одно, и другое”»: одновременно имеют место и война, и мир; действуют как полиция, так и военные; происходят как преступления, так и боевые действия; страдают как гражданские лица, так и солдаты»¹⁴. В обществе постмодерна наблюдается переход в политике от «обороны» к «безопасности», что в итоге приводит к стиранию различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Так, под лозунгом «безопасности» оправдывается постоянная военная активность как на собственной территории, так и на территории других государств. Гибридная постнациональная война проявляется через два феномена: защита прав человека на зарубежной территории и попытка свести к минимуму глобальный риск терроризма за счет военных средств государств. Таким образом, современная война не ведется в национальных интересах, напротив, она снимает ограничение ответственности государств национальной территорией, превращаясь в своеобразные «мировые полицейские войны». Так, гибридная постнациональная война стала продолжением постнациональной политики «военизированного гуманизма», и в силу этого она выступает средством камуфлирования незаконной войны, оправданием агрессии. Более того, в современных условиях власть, стремящаяся к безопасности, во главу угла ставит не легитимность и лояльность граждан к ней, а порядок, установленный силой. Однако достигнутая так называемая «стабильность» должна быть опять нарушена, иначе возникает вопрос о необходимости самой силы, обеспечивающей этот порядок. В силу этого состояние многих современных обществ можно сравнить с функционированием ядер-

¹³ Kaldor, op.cit., 124.

¹⁴ У. Бек: *Космополитическое мировоззрение*, М.: Центр исследований постиндустриального общества 2008, 202.

ного реактора, т.е. система действует до тех пор, пока воспроизводится угроза.

«Размывание различий между публичным и частным, военным и гражданским, внутривластным и внешнеполитическим ставит под сомнение и само различие войны и мира»¹⁵. Мир сегодня перестает восприниматься как тотальное и исконно данное состояние, мы можем говорить лишь об островках мира как исключениях из общего правила войны. При этом нестабильность является прерогативой уже не только периферии, но и центра. Вот как об этом пишет У. Эко: «Центры становятся территорией ежедневного беспокойства, ареной постоянных террористических атак. Эта нестабильность будет сдерживаться перманентным кровопусканием на перифериях и большим количеством пра-пра-войн, среди которых Афганистан – только первый пример из многих»¹⁶.

Таким образом, оправданной и легитимной гибридная война будет считаться до тех пор, пока приводит к воспроизводству существующего порядка, т.е. выступает новой формой конвенции и единственным основанием мира. Общество постмодерна, утратившее конвенциональность и девальвировавшее базовые принципы международного права, но сохранившее ядерное оружие, породило такой косвенный путь действия, как гибридную войну. Современный глобализирующийся мир характеризуется не миром, основанным на праве, а повсеместным насилием: террором и борьбой с ним. В силу этого необходимо выстраивание мира и солидарности на новой основе. Что выступит в качестве новой конвенции для осуществления мира: космополитическое правоприменение и реконструкция М. Калдор, космополитическое мировоззрение У. Бека, ироническая солидарность Р. Рорти¹⁷, возвращение партизана в сферу политического К. Шмитта¹⁸ или другое? Будущее покажет. Однако осознание кризиса идентичности, толерантности и политической власти, а также отказ от классической трактовки войны и принятие ее антиномичной и гибридной природы, возможно, позволят приблизиться к решению проблемы эскалации насилия, расширения политики экстремизма и отчуждения Другого в его инаковости и не допустят перерастания гибридной войны в тотальную войну за вечный мир.

¹⁵ Kaldor, *op.cit.*, 81.

¹⁶ Эко, указ.соч., 51–52.

¹⁷ И.Н. Сидоренко: Ирония против насилия в утопическом проекте Р. Рорти // *Научные труды РИВШ: Философско-гуманитарные науки*, Выпуск 14, Минск: РИВШ, 2015, 255–262.

¹⁸ И.Н. Сидоренко: Концепция тотальной «справедливой войны» К. Шмитта // *Философия и социальные науки*, 1 (2016), 44–48.